

Полгостря спуся.

Яркая луна висела посреди неба, морской бриз приятно обдувал лицо, а золотистые пляжи Миньчжоу дарили невероятное умиротворение.

Группки детей резвились у накатывающих волн — шлёпали по воде, бегали, баловались и всю наслаждались прохладой моря своими маленькими ножками.

Эх... — глядя на эту картину, Оуян Цзиньсинь испытывал жуткую зависть. Опустив взгляд себе под ноги, он с удивлением обнаружил лишь острые, причудливые валуны: о каком веселье тут шла речь — того и гляди оступишься и сорвёшься с обрыва!

Как же он жалел о содеянном...

— Устал карабкаться? — раздался спокойный голос Се Линьби с уступа повыше. Тот смотрел на Оуян Цзиньсинь сверху вниз и протягивал ему руку.

— Совсем нет, что для меня эта высота?! — в Оуян Цзиньсине снова разыграло упрямство. Он не желал ударить в грязь лицом и небрежно отмахнулся, хотя в душе отчаянно жалел: и чёрт его дёрнул согласиться на предложение Се Линьби?

Этот наглец ведь чётко сказал — «прогуляться», с каких это пор прогулка превратилась в скалолазание?!

«А?! Неужели из-за того, что он столько натерпелся, спасая меня, теперь и мне нужно пройти через это?» — фантазия Оуян Цзиньсиня уносилась всё дальше.

— Иди сюда, — подал знак Се Линьби и продолжил карабкаться вверх.

— Ладно, — скрипя сердце, согласился Оуян Цзиньсинь и послушно поплетелся следом. К счастью, тропа оказалась не слишком крутой, а морской ветер — слабым. На участках, где было много гальки или тропинка сужалась, Се Линьби неизменно проявлял осторожность и брал Оуян Цзиньсиня за руку.

Ладонь Се Линьби была тёплой и нежной. Хотя Оуян Цзиньсинь кипел от недовольства, руку он так и не отнял. Се Линьби в лунном свете напомнил ему об их нелепой до смешного первой встрече на берегу реки в Императорской Столице.

Оуян Цзиньсиню вдруг ужасно захотелось узнать: повторись всё заново, стал бы Се Линьби и теперь смотреть на него с таким же презрением?

Не успел он опомниться, как прошло ещё полчаса.

— Пришли, — произнёс Се Линъи, стоя на вершине обрыва, и втащил вверх тяжело дышавшего Оуян Цзиньсиня.

— Ха... Наконец-то... Слава богам! — хоть всю дорогу Оуян Цзиньсинь и жаловался, стоило его ногам коснуться круглых валунов на краю утёса, как в груди всколыхнулось законное чувство гордости!

— Садись, отдохни немного, — Се Линъи привёл его к широкой, на редкость ровной пологой скале.

Оуян Цзиньсинь немного опасался подходить слишком близко к обрыву — вдруг сорвётся? Но, заметив, сколь уверенно и спокойно устроился Се Линъи, тоже опустился рядом.

— Здесь очень высоко, тебе не страшно? — неожиданно спросил сидевший бок о бок с ним Се Линъи.

— Да если ты не боишься, с чего бы мне бояться?! — тут же огрызнулся Оуян Цзиньсинь.

— Тогда расправь плечи, подними подбородок и смотри вперёд, — Се Линъи отвёл прядь волос со лба спутника.

— А? — Оуян Цзиньсинь подавил сосущее чувство головокружения в груди и вскинул голову.

— Ох...

Яркая круглая луна сияла на чистейшем, точно вымытом ночном небе, заставляя морскую гладь искриться мириадами бликов. Из дали, где вода сливалась с небесами, время от времени доплывали клочья мягких, пушистых облаков.

Грань между морем и небом стёрлась, и казалось, будто сама луна плывёт в пучине вод, или же это ночное небо пропитало собой океан.

Слух ласкал неутомимый шёпот прибоя, звучащий подобно гулкому, раскатистому звону огромного бронзового колокола. Отрешившись от всего мира, Оуян Цзиньсинь заворуженно смотрел перед собой, чувствуя себя так, словно вознёсся в чертоги бессмертных на луне.

Се Линъи больше ничего не говорил. Он молча, с глубоким чувством вглядывался в морскую бездонную даль и бескрайний купол небес, разделяя всё то, что ощущал сидевший рядом человек.

Эту потрясающую и уединенную смотровую площадку Се Линъи обнаружил случайно, когда разыскивал Оуян Цзиньсиня. Самим небесам было ведомо, почему в его груди вдруг вспыхнуло

столь непреодолимое желание привести Оуян Цзиньсиня сюда, чтобы вместе полюбоваться морем.

«С Цзиньсином всё будет хорошо, я никому не позволю причинить ему хоть малейший вред!» — внезапно всплыли в памяти слова, которые Се Линъи выкрикнул своим подчинённым в тот день, когда узнал, что Оуян Цзиньсиня похитили пираты и его шансы выжить были крайне малы.

Чувство вины и раскаяние вонзились в сердце Се Линъи, словно два невидимых, но невероятно острых кинжала, причиняя невыносимую боль!

Страх потерять Оуян Цзиньсиня, подобно бушующему валу, смёл остатки его непоколебимого рассудка. Не дожидаясь помощи от чиновников, он в одиночку бросился штурмовать опасные, крутые утёсы.

Время шло, звёзды сменяли друг друга, и за эти казавшиеся бесконечными двое суток и две ночи тело и душа Се Линъи прошли через беспрецедентные пытки. Из-за снедавшей его жуткой тревоги он даже не замечал, как острые колючки по всему склону царапали руки, которыми он цеплялся за скалы.

Лишь когда кровь обагрила его пальцы, он с удивлением посмотрел на собственные исцарапанные руки. Обладая он прежним уровнем внутренней энергии, мог бы просто сбавить темп и избежать травм, но каждая задержка грозила обернуться бедой для Оуян Цзиньсиня!

Стоило ему подумать об этом, как окровавленные кулаки сжимались с новой силой, и он снова упрямо шёл вперёд по крутой тропе.

Когда он наконец отыскал «Стервятник», волна ликования захлестнула его сильнее, чем при взятии неприступной крепости. Спустившись с гор, он встретил ожидавшего его Сюэ Уиня — тот тоже не смыкал глаз ровно двое суток и две ночи...

А когда пиратский корабль был захвачен и Се Линъи смог прижать к груди живого, настоящего Оуян Цзиньсиня, его сердце переполнилось самой причудливой смесью горьких, сладких и жгучих чувств.

Разве это странное чувство в груди — не «любовь»?

Се Линъи вглядывался в белеющие вдаль обрывы, над которыми на расправленных белых крыльях планировали несколько чаек.

Почему же его сердце забилось сильнее при виде вовсе не какого-то там «молодого господина Оуяна», а именно его... Взгляд Се Линъи скользнул по сидевшему рядом Оуян Цзиньсину, задерживаясь на нём на долгие мгновения.

«Ах, гори оно всё синим пламенем. Наверное, я влюбился в него ещё в самый первый день нашей встречи», — думал Се Линъи, уносясь мыслями далеко-далеко.

Но в одном он был уверен наверняка: на этот раз он ни за что не отпустит его и никому не отдаст Оуян Цзиньсиня!

Лёгкие облачка плыли по небу, ночная гладь сияла водной гладью, а Оуян Цзиньсинь даже не догадывался о тех бурных бурях, что терзали душу Се Линъи. Любуясь великолепными пейзажами, он думал о своём: «Надо будет при удобном случае поблагодарить Се Линъи».

Та же серебристая луна освещала землю Миньчжоу, но атмосфера здесь царила совсем иная. Накинув на плечи длинный белый халат, Сюэ Уинь стоял у распахнутого настежь оконного проёма и вскинув голову, зачарованно смотрел на сияющую луну.

Лунный свет падал на постель позади него: обнажённый Тянь Фэн свернулся калачиком и сладко спал.

Немногим ранее Тянь Фэн обмолвился, что видел, как ван Се и Оуян Цзиньсинь вместе куда-то ушли.

— Ири... неужели твоё сердце мне так и не покорить? — бормотал Сюэ Уинь, а в его серебристых глазах плескался невыносимо ледяной свет.

Ослепительные лучи утреннего солнца пробились сквозь оконную занавеску, заливая ярким светом пространство у окна. Ещё до конца не проснувшись, Оуян Цзиньсинь никак не мог взять в толк: их вчерашняя ночная вылазка на утёс с Се Линъи — это правда или всего лишь сон?

— Вряд ли это был сон... — размышлял Оуян Цзиньсинь, глядя на лучи света, плясавшие на листьях за окном.

Прошлой ночи лунный свет струился водопадом, прохладный ветерок приятно освежал лицо, и он, прислонившись к Се Линъи, незаметно заснул на вершине скалы. Сквозь пелену дремоты он слышал, как Се Линъи что-то говорил, но из-за сильной усталости никак не мог вспомнить суть тех слов. А чуть позже он отчётливо почувствовал крепкую, надёжную и тёплую спину Се Линъи — и погрузился в ещё более глубокий сон...

— Выходит, он и правда нёс меня на спине всю дорогу? — оглядывая залитую утренним светом комнату, Оуян Цзиньсинь густо покраснел. Ему показалось, что на рукавах его одежды до сих пор сохранился лёгкий шлейф мускусного аромата Се Линъи.

Не задумываясь о последствиях, Оуян Цзиньсинь глубоко вдохнул воздух у самого манжета — и впрямь, тонкий запах мускуса так и манил.

— Цзиньсинь! Беда! — в этот самый момент в комнату вихрем влетел перепуганный Тянь Фэн.

— Ч-что такое?! — Оуян Цзиньсинь мгновенно подскочил на месте, и вовсе не от крика Тянь Фэна, а от стыда за собственное только что разоблачённое занятие.

— Главарь говорит, мы должны немедленно покинуть постоянный двор. Собирайся скорее, ван Се... то есть капитан уже ждет внизу, — в самый ответственный момент Тянь Фэн едва не сболтнувшего лишнего.

— Хорошо, я сейчас же спущусь! — сердце Оуян Цзиньсиня всё ещё бешено колотилось в груди, но он не обратил внимания на запинку Тянь Фэна и торопливо кивнул.

Главный зал таверны «Ваньюэ».

Седобородый трактирщик стоял у стола с опущенной головой и скорбным выражением лица. За столиком сидели Сюэ Уинь, Се Линь и какая-то молодая девушка.

— Что произошло? — быстрым шагом спускаясь по лестнице, спросил Оуян Цзиньсинь.

— Эта девушка принесла весть: Господин Линь собрал банду мастеров боевых искусств из цзянху и идет сюда смывать позор, — предельно спокойно пояснил Сюэ Уинь.

— Господин Линь? — имя показалось Оуян Цзиньсиню смутно знакомым, но вспомнить его он не смог.

— Тот самый хрен, который пытался к тебе приставать, да так отхватил от капитана, что еле ноги унёс, — спустившись вслед за ним с узлов в руках, напомнил Тянь Фэн.

— Ах! — Оуян Цзиньсинь тут же вспомнил про ту серебряную монету.

— Молодые господа, вы не знаете... С тех пор как вчера вы проучили их и отомстили за простой народ, этот Господин Линь тут же расклеил объявления и созвал около полусотни головорезов. Они идут сюда с самыми свирепыми намерениями, жажда мести! Я подумала — у них столько людей, а вы ведь приезжие... Мудрый человек не лезет на рожон, вам лучше поскорее отсюда убираться! — встревоженно выпалила продававшая булки девушка, глаза её даже покраснели от волнения.

— Мудрый человек не лезет на рожон, говоришь? — Оуян Цзиньсинь шагнул вперёд и сложил руки в приветственном жесте: — Благодарю вас, девушка, что рискнули жизнью ради нас. Но на свете существует закон, и я никому не позволю творить здесь беззаконие и беспредел!

— Молодой господин, вы слишком добры, я не заслуживаю такой чести! — испуганно ответила

девушка, торопливо кланяясь в ответ.

— Цзиньсинь, и что же ты намерен делать? — Сюэ Уинь достал складной веер и посмотрел на него.

— Карать негодяев и защищать справедливость, и никак иначе! — твёрдо и решительно заявил Оуян Цзиньсинь.

— Ха-ха, я так и знал, что ты скажешь что-то в этом роде, — мягко улыбнулся Сюэ Уинь, но тут же добавил: — Только вот наша драка здесь доставит немало хлопот таверне «Ваньюэ», да и этой девушке тоже не поздоровится.

Стоявший рядом старый хозяин таверны закивал головой в знак согласия:

— И то верно! Умоляю, сжальтесь над нами, господа, покиньте Миньчжоу как можно скорее. С этим Господином Линем связываться себе дороже, приедем его не одолеть.

— Неужели он настолько силен? — не удержался от вопроса Оуян Цзиньсинь.

— Два поколения семьи Линь монополизировали торговлю морской солью, — подал голос Се Линь. — Они снабжают солью не только Миньчжоу, но и соседние округа вроде Тунчжоу и Наньпу, а каждый сезон отправляют богатые подношения ко двору. Именно поэтому их клан купается в золоте и владеет бесчисленными землями — даже чиновники вынуждены уступать им три шага.

— Откуда тебе всё это известно? — с удивлением спросил Оуян Цзиньсинь.

— Потому что Ири заранее знал: испытав такой позор, они не спустят это с рук, и поэтому расспросил обо всём хозяина таверны, — ответил за Се Линь Сюэ Уинь.

«Сейчас, пожалуй, лучше избежать лишних хлопот», — рассуждал Сюэ Уинь на словах, однако втайне он уже отправил голубиную почту Иншоу, приказав тому готовиться к бою. В методах Сюэ Уиня, если противник не представлял никакой ценности, проблема решалась просто — одним взмахом руки и словом «убить».

Оуян Цзиньсинь колебался. Он всегда ставил справедливость во главе угла и ему ужасно не хотелось вот так просто сбежать, однако, глядя на холодный пот старика-трактирщика и испуганное лицо девушки, он понимал, что устраивать побоище здесь было бы верхом бессердечия.